

Colombina

Романы
о любви

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«КОЛОМБИНА»:

САНДРА БРАУН

Свадебный вепок
От ненависти до любви
Ну и штучка!
Тайный брак
Роза прерий
Сопровождение бесполезно
Держи меня крепко

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Цветок счастья
У алтаря
Эгоист
Строптивая невеста
Влюбленная американка
Любовь дерзкого мальчишки

ДАНИЭЛА СТИЛ

Что было, что будет...
Возраст любви
Французские каникулы
Большая девочка
Голос сердца
Безудержная страсть
Проверка разлукой
Незнакомка из прошлого
Расставаясь с прошлым
Верить в себя

БАРБАРА КАРТЛЕНД

Леди Фантом
Египетские ночи
Скучающий жних
Черная пантера
Прелестная беглянка
Шелковый поцелуй
Исчезнувшая невеста
Огонь в крови

БАРБАРА КАРТЛЕНД

Огонь в крови

МОСКВА
2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К 27

Barbara Cartland
FIRE IN THE BLOOD
© Barbara Cartland, 1995

Художественное оформление *С. Власова*

Перевод с английского *М. Павловой*

Картленд, Барбара.
К27 Огонь в крови : [роман] / Барбара Картленд ; [пер. с англ. М. Павловой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 224 с. — (Colombina. Серия бестселлеров о любви).

ISBN 978-5-699-91657-3

После смерти родителей Пандия ведет скромную жизнь, пока однажды ее сестра-близнец Селена не предлагает пожить несколько дней в роскоши и богатстве. Но взамен сестра просит поменяться с ней местами, пока она, пользуясь внезапной отлучкой мужа, будет у любовника. Никто не мог подумать, что обман будет раскрыт, ведь Пандия и Селена похожи как две капли воды! Чем же теперь обернется для сестер их авантюра?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Павлова М., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91657-3

От автора

Богиня Луны, Селена, которую древние греки называли также Мена, озаряла «сиянием своей золотой короны» любую, даже самую темную, ночь. Каждый вечер, когда ее брат, Бог Солнца, Гелиос, завершал свое небесное шествие, она «поднималась на горизонт в колеснице, влекомой упряжкой светоносных коней».

Селена любила Эндимиона, царя Элиды, могила которого, считается, находится в Олимпии и которому Богиня Луны родила пятьдесят дочерей.

Однажды Эндимион охотился на горе Латмос. Устав, он прилег отдохнуть в прохладном гроте и заснул. Тогда его и увидела Селена и, плененная красотой мужчины, поцеловала спящего. Эндимион просил Зевса даровать ему бессмертие и вечную юность. Зевс согласился, но поставил условие: Эндимион никогда не состарится и никогда не очнется от вечного сна. Но преданная Селена продолжала каждую ночь на-

вещать спящего любовника: так лучи влюбленной в Эндимиона Луны ласкают и нас, смертных, когда мы пребываем во сне.

Селену же полюбил сам Зевс, который, обратившись в белого овна, увлек ее однажды в глушь Аркадских лесов. Вскоре у Селены родилась дочь Пандия...

Пандия, дочь Зевса и богини Луны, славилась у Бессмертных своей красотой.

Глава первая

1898

Пандия положила на могилу собственноручно сплетенный венок. Декабрьский мороз уже тронул все цветы, возложенные на нее ранее. Их было немного: несколько пучков бессмертника и омелы от деревенских жителей, венок из белых хризантем от викария и еще один, из желтых цветов, от врача, который лечил отца.

— И это вся память! — сокрушалась Пандия. — Благодарность человеку, вдохновлявшему всех, готовых его слушать и творчески мыслить. Но, — подумала она, уже немного успокоившись, — немного найдется в наши дни слушателей, которым интересно внимать знатоку античной древности или тому, кто намного превосходит прочих своими выдающимися интеллектуальными способностями. Она любила отца.

Пандия подумала о том, как он был красив даже на смертном одре. Она понимала свою

мать, которая некогда согласилась бежать с ним, не только вызвав тем самым гнев всей семьи, но и подвергнув себя остракизму на всю дальнейшую жизнь.

Мать и отец были очень счастливы в браке, и Пандия утешилась этой мыслью, надеясь, что и теперь они вместе пребывают на небесах и уже ничто и никогда их не разлучит. Тем не менее, направляясь с кладбища к небольшому, тюдоровского стиля, особнячку на краю деревни, Пандия особенно остро ощутила груз одиночества. Да, их дом, а в нем она жила со дня рождения, был невелик, но прекрасен и, при жизни матери, полон любви и счастья, которых отныне — так думала Пандия — она уже никогда не узнает. В их доме всегда было радостно, поэтому, открывая входную дверь, Пандия по привычке ожидала услышать смех, доносящийся из комнатки, которую отец называл кабинетом, а может быть, даже увидеть мать, выходящую из гостиной. Но тут мысль о Селене, а Пандия старалась как можно реже думать и вспоминать о ней, заставила девушку почувствовать себя совсем несчастной. Да, она почему-то надеялась, что ее сестра-близнец прибудет на похороны отца, но, когда все закончилось, а Селена так и не появилась, Пандии оставалось только удивляться: ну как такая мысль — о приезде сестры — могла прийти ей в голову.

Пандия сняла плащ, который, несмотря на всю его тяжесть, не помешал ей продрогнуть до

костей на колючем декабрьском ветру. Девушка неспешно прошла в кабинет. В этой, самой маленькой, комнате было легче сохранять тепло, и Пандия очень обрадовалась, что старая служанка Нэнни заблаговременно разожгла очаг. Языки пламени, лизавшие разгоревшиеся поленья, ярко освещали старое кожаное потертое кресло, в котором всегда сидел отец, и на какой-то миг ей почудилось, что она видит и его. А затем Пандия вспомнила, что людей, удрученных горечью утраты, часто посещают странные видения. Им даже иногда слышатся голоса ушедших, но нет, ей надо сохранять способность трезво мыслить.

Немного согревшись, Пандия стала переписывать аккуратным красивым почерком последнее, сделанные отцом до его роковой болезни, переводы с греческого, мысленно вознося молитвы, чтобы книгоиздателю, принявшему к печати две предыдущие отцовские рукописи, понравилась бы и эта, пусть даже он и предложит мизерный гонорар. Отец всегда радовался, узнав, что очередной томик его работ будет представлен вниманию читающей публики. «Не понимаю, — в который раз спрашивала себя Пандия, — почему папины труды, такие волнующие и вдохновенные, остаются нераспроданными, но при этом люди покупают всяческую чепуху, которая, по идее, не может понравиться и невзыскательному читателю». Пандия, однако, знала ответ на этот вопрос: «Да ведь это

я люблю все, что ты переводил, папа, и мама тоже любила... А вдруг в один прекрасный день и другие читатели откроют тебя, как уже случилось в отношении многих великих писателей?». Все это, конечно, фантазии, понимала она, но все-таки мечтала, как внезапно, в одночасье, отец станет знаменит. Пандия знала о подобном случае: однажды так случилось с лордом Байроном. Если бы в свое время повезло и ее отцу! Подумать только... Тогда почитатели нахлынули бы к ним в деревню, чтобы выразить отцу свои восторги, и, может, ему бы предложили должность профессора в каком-нибудь университете... Далее в своих фантастических мечтаниях Пандия воображала, как она устраивает прием в честь таких же замечательных ученых, каким был отец, и студенты восторженно взирают на него и становятся его преданными учениками и последователями.

Увы, все эти надежды так и остались ее фантазией. Трудов отца не замечали. Его книги не вызывали читательского интереса. Книгоиздатели тоже оставались к ним равнодушны, что было всего обиднее: уж лучше они откровенно бы заявили о своем нежелании иметь дело с его сочинениями. Деньги, которые они приносили, были так ничтожны, что, как часто думала Пандия, они бы умерли с голода, не будь скромного дохода, который давало наследство матери.

В известном смысле, размышляла Пандия, ей повезло, что Селена претензий на свою долю

наследства не предъявляла и покинула родной дом через два дня после смерти мамы. Но и сейчас, спустя три года, в течение которых Селена ни разу не напомнила о своем существовании, Пандия была по-прежнему потрясена тем фактом, что сестра покинула их с отцом, даже не попрощавшись, известив лишь запиской об отъезде. Перед взором Пандии все еще стояло ошеломленное, горестное лицо отца, да так явственно, словно оно навеки запечатлелось на скрижалях памяти. Она все еще ощущала чувство пустоты, охватившее ее, когда прочла записку Селены:

«Я уезжаю, чтобы найти родственников мамы и узнать, нельзя ли мне жить у них. Больше не могу выносить скучную жизнь в маленькой деревушке и существовать в такой бедности и убожестве.

Пожалуйста, не пытайтесь искать меня: я приняла твердое решение и его не изменю.

Селена».

И это было все! Без единого ласкового слова или проблеска жалости к отцу, который ее всегда любил, или — к сестре, считавшей, что они единое целое. С горечью Пандия наконец осознала, что Селена никогда их по-настоящему не любила. А Пандия, напротив, всегда верила, что они, сестры-близнецы, связаны неразрывно

и не смогут жить друг без друга: ведь именно этим близнецы отличаются от обычных братьев и сестер. А как они похожи внешне! Их же просто невозможно отличить! Тяжелее всего было сознавать, что, внешне совершенно одинаковые, во всех других отношениях они ни в чем не походили друг на друга.

После исчезновения сестры Пандия наконец поняла, что Селена всегда была амбициозна и мечтала лишь о том, как бы достичь видного положения в обществе; что ей была скучна их мирная, спокойная жизнь, лишенная всяких светских развлечений. Как часто, когда прежде они оставались вдвоем, Селена негодовала:

— Ну почему мама была так глупа, что сбежала из дома и тем самым отказалась от богатой, обеспеченной жизни?

— Но она влюбилась в папу, — возражала Пандия.

— Да ведь он был всего лишь учителем маминых братьев!

— Зато папа принадлежал к знатной венгерской семье, — опять возражала Пандия, — да, небогатой, но в его жилах текла благородная кровь!

— А мне-то что за дело до этого? — бушевала Селена. — И какое мне утешение в том, что мама презрела свою знатную родословную ради какого-то бедняка-венгра?

— Нельзя так говорить, — негодовала Пандия, — это очень несправедливо по отношению

к папе. Это настоящее предательство! Ведь он такой умный. Его переводы с греческого замечательны!

В ответ Селена лишь пожимала плечами:

— А кто кроме тебя и, разумеется, мамы думает так же?

И говорила она это столь язвительно, что Пандии становилось очень не по себе. Она поражалась, насколько неуважительно сестра относится к матери, осуждая ее за «глупость», которая навлекла «несчастье на всю семью».

Однако нередко в отсутствие отца они расспрашивали мать о тех днях, когда она жила в громадном особняке георгианского стиля, находившемся в графстве Оксфордшир.

Отец матери, лорд Грэндсен, считался видным вельможей не только в самом графстве, но и при королевском дворе. У него была большая свора охотничьих собак и должность главного ловчего, поэтому все — с гордостью утверждала мать — его уважали и почитали.

Мать рисовала такой живой образ деда, что для Пандии он стал совершенно реальной, родной фигурой. Широко раскрыв глаза, она слушала рассказы о приемах в саду, роскошных обедах и охотничьих балах, которые давали в особняке. Там регулярно устраивали танцевальные вечера, и мать веселилась на них до позднего вечера. Как только она стала выезжать в свет, то сразу получила приглашение в Букингемский дворец, где почтительно приседала в реверансах перед

королевскими особами. Для Пандии рассказы матери были чем-то вроде волшебных сказок, и она не сразу поняла, как относилась к ним Селена. Для сестры это были повествования о потерянном рае, поэтому Селена воспринимала их болезненно, сердилась, что мать, добровольно покинувшая этот земной рай, тем самым закрыла вход туда и для своих дочерей.

— Я тоже хочу ездить на балы, когда вырасту, — взбунтовалась она после одного из таких рассказов, когда они с Пандией уже ложились спать. — Я желаю жить в огромном доме, иметь верховых лошадей для прогулок и каждый день выезжать куда-нибудь на ланч или обед. Но для этого необходимы дорогие туалеты!

Как-то Селена возмущалась у зеркала:

— Да, я красива! Я знаю, что красива, но кто здесь видит мою красоту? Только многочисленные деревенские увальни да смешливые мальчишки из церковного хора!

Пандия тогда промолчала, не зная, что на это ответить. Она переживала, вдруг мать услышит негодующие вопли Селены и очень из-за этого расстроится.

Когда мать заболела и стало ясно, что долго ей не протянуть, Селена, наверное, и решила оставить дом. Ужасно, но, кажется, она только и ждала ее смерти, чтобы уехать сразу же после похорон. Пандия, оставшись совсем одна, горько плакала при мысли, что Селена оказалась способна на такой жестокий поступок. Она

всем сердцем надеялась, что сестра одумается и вернется домой, но та, однако, так и не дала о себе знать и, кажется, совсем не нуждалась в деньгах. Наверное, решила Пандия, Селене удалось упросить родных принять ее, и теперь она живет на широкую ногу, так, как всегда хотела. В то время им почти исполнилось по шестнадцать лет. Но с той поры прошло немало времени, и через два месяца им уже будет девятнадцать.

Пандия долго колебалась, прежде чем известить Селену о смерти отца. Письмо она адресовала на оксфордширский адрес деда, надеясь, что если Селены там нет, то письмо ей перешлют. Интересно, гадала Пандия, изменилась ли Селена за эти три года? Неужели она все та же мятежная молодая барышня, которой так не нравилось пребывать в неизвестности? Она мечтала изменить свою жизнь...

«Наверное, мы с ней теперь совсем разные люди», — подумала Пандия. Она подошла к зеркалу. Без ложной скромности Пандия имела право утверждать, что за эти три года она очень похорошела. Волосы у девушки отливали медью, очевидно, о себе давали знать венгерские корни отца, и составляли удивительный контраст с аристократичной бледностью ее лица. Глаза у нее всегда были большими, но теперь, когда она утратила то, что мать называла детской пухлостью, они казались огромными на ее тонком, худом личике. У нее были малень-